

ДИСКУРСИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПЕРЕВОДУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

К.А. Фокина

Институт иностранных языков, магистратура, 2 курс
Научный руководитель: Т.Г. Галушко, профессор кафедры перевода
РГПУ им. А.И.Герцена

Термин «дискурс» в современной лингвистике, отчасти утратив ранее присущие ему толкования, приобрел новые интерпретации в результате его переосмысления в свете появления тенденции к междисциплинарному рассмотрению языка [4: 220]. В центре научных дискуссий оказалось два термина: стиль и дискурс. «Что совсем недавно называлось стилем и относилось к области стилистики, сегодня заменяется термином дискурс и относится к области дискуртологии» [3: 26]. Стилистика, позиционировавшая себя как дисциплина, занимающаяся изучением стилистических закономерностей литературных произведений (текстов), в результате смены научной парадигмы стала рассматриваться в рамках дискурса. Е.А.Баженова вводит понятие «дискурсивно-стилистической парадигмы» при исследовании текста, соответственно и стилистические явления, анализируемые в рамках дискурса автора, приобретают характер дискурсивно-стилистических [2: 21].

В отличие от предыдущих подходов дискурсивно-стилистический подход предполагает отказ от строгого противопоставления различных стилистических средств по сходству, смежности и другим традиционным параметрам. «Вместо этого вводится понятие концептуальной метафоры – единого тропа, который включает в себя традиционные метафору, метонимию, эпитет, олицетворение, гиперболу, парафразу и другие виды семантических и логических изменений» [6: 7]. Концептуальная метафора, являясь механизмом когнитивно-дискурсивного моделирования действительности и главным средством воздействия политического дискурса, выполняет его главную функцию – борьбу за власть, и соответственно требует особого подхода при переводе. Метафорический смысл не обязательно выражается с помощью лексических средств или вербализуется на уровне словосочетания или предложения. Целый фрагмент может представлять единое метафорическое поле, формирующееся именно за счет дискурсивно-стилистических средств и представляющее собой наиболее сильный образ с точки зрения эмоционального воздействия.

Обратимся к фрагменту речи, произнесенной великим политиком и оратором XX века У. Черчиллем в день нападения Германией на СССР «The Fourth Climacteric», и его переводу. Данный пример является яркой иллюстрацией того, как метафорическая реальность, создаваемая оратором, обретает форму за счет дискурсивно-стилистических средств: «The past with its crimes, its follies and its tragedies, flashes away. I see the Russian soldiers standing on the threshold of their native land, guarding the fields which their fathers have tilled from time immemorial. I see them guarding their homes where mothers and wives pray - ah yes, for there are times when all pray - for the safety of their loved ones, the return of the breadwinner, of their champion, of their protector. I see the ten thousand villages of Russia, where the means of existence was wrung so hardly from the soil, but where there are still primordial human joys, where maidens laugh and children play. I see advancing upon all this in hideous onslaught the Nazi war machine, with its clanking, heel-clicking, dandified Prussian officers, its crafty expert agents fresh from the cowering and tying-down of a dozen countries. I see also the duff, drilled, docile, brutish masses of the Hun soldiery plodding on like a swarm of crawling locusts. I see the German bombers and fighters in the sky, still smarting from many a British whipping, delighted to find what they believe is an easier and a safer prey» (22 июня 1941 года).

Перевод: «Прошлое, со всеми его трагедиями, неудачами и просчетами, *отступает на задний план. На переднем плане, на линии фронта, русские солдаты бесстрашно встают на защиту родной земли, ее лугов и полей, которые их отцы и деды возделывали с незапамятных*

времен. Эти смелые воины отстаивают родные города и деревни, грудью заслоняют родные дома, где матери и жены *день и ночь* молятся (в такие моменты все начинают молиться) о том, чтобы все их близкие остались живы, чтобы кормилицы и заступники поскорее вернулись домой. Я вижу тысячи русских деревень, где люди без устали трудятся на земле, возделывая хлеб, но где при этом есть место для простых человеческих радостей, где раздаётся девичий смех и беззаботно резвятся дети. Я вижу, как на эти мирные поселения стремительно надвигается черная тень нацизма: я слышубряцанье оружия и стук кованых каблуков, жестокий смех холеных прусских офицеров и шепот шпионов, которые еще вчера наводили ужас на жителей дюжины других стран. Унылая серая масса безупречно вымуштрованной гуннской солдатни, похожая на стаю саранчи, неумолимо наступает, сметая все на своем пути. Германские бомбардировщики и истребители заполняют небо: они еще помнят жгучую боль от ударов британского кнута и теперь радуются тому, что нашли, как им кажется, гораздо более легкую добычу» [Переводчик Сергей Чернин].

Оратор выступает в роли рассказчика и призывает реципиента стать частью разворачивающейся театральной метафоры. Адресат как будто становится участником спектакля и сам идет по полям (*the fields*), видит стоящих на коленях матерей и жен (*mothers and wives pray*), моляющихся за своих любимых мужей, за их безопасность (*safety*) и скорое возвращение (*return*). И снова меняется сцена: адресат видит, что, несмотря на тяжелую жизнь, дети все еще играют (*children play*), а девушки смеются (*maidens laugh*). И вдруг среди этого полного умиротворения возникают военные машины (*the Nazi war machine*) с прусскими солдатами (*Prussian officers*), стучащими и гремящими своими каблуками (*clanking, heel-clicking*), идущими за пополнением списка захваченных стран. И мир рушится, и приходит война. Анафорический параллелизм (*I see...*), перечисления (*clanking, heel-clicking, dandified*), синонимические повтор (*of the breadwinner, of their champion, of their protector*), ономотопея (*clanking, heel-clicking*), аллитерация (*dull, drilled, docile*) – все эти дискурсивно-стилистические средства работают на формирование более эмоционального и сильного метафорического образа. Адресат начинает слышать лягзганье и звон сапог прусских офицеров, что символизирует начало военных действий. Умиротворение сменяется давящим напряжением, страхом и ужасом.

Театр как сфера-источник метафорической экспансии создает великолепные условия для реализации эмоционального заряда метафоры [5: 108]. Театральное измерение, включающее в себя актеров, публику и сценарий, помогает разобраться в сложных взаимоотношениях людей и мира, в котором мы живем и который мы создаем [7: 385-386]. Акцентируя внимание адресата на идеи постановочности, переводчик вслед за оратором передает главный, скрытый за маской смысл – концептуальную метафору «Нацистская Германия – враг», используя номинации со сферой-донором «театр», продуцирующие образ «мрачного настоящего» и «ужасного будущего» в случае поражения союзников.

Переводчик Сергей Чернин сначала вводит читателя в театральный зал и заранее подсказывает, что читателю предстоит увидеть представление. Он вводит театральные лексические единицы «задний план» и «передний план», настраивая читателя на восприятие метафоры и постижения метафорического смысла, что позволяет компенсировать меньшее количество переданных анафорических повторов «я вижу». В переводе присутствуют дискурсивные интенсификаторы: для акцентирования метафорического смысла, строящегося на антитезе «Мирная Россия и жестокая Германия», переводчик формирует более яркий контраст между *беззаботно резвящимися детьми* и смеющимися *холеными прусскими офицерами; бесстрашными и смелыми воинами* и унылой *серой массой безупречно вымуштрованной гуннской солдатни* и т.д. Сергей Чернин также добавляет еще один образ: «*жестокий смех холеных прусских офицеров и шепот шпионов*». Данный образ не только усиливает воздействие на читателя в фонетическом аспекте (аллитерация), но также и на лексическом уровне.

Метафора соединяет вербальный смысл с образностью, т.е. структурирует ситуацию. Дискурсивно-стилистические средства не несут в себе какой-либо семантической функции.

Они являются лишь средством дополнительного эмоционального воздействия и способствуют созданию определенного ритма, облегчающего восприятие текста. Немногочисленные фонетические средства несут в себе поддерживающую роль, усиливая метафоричность создаваемого оратором образа и подчеркивая ритмическую структуру высказывания, помогают адресанту завладеть и удерживать внимание адресата, а адресату – следить за мыслью адресанта.

Таким образом, в рамках дискурсивно-стилистического подхода особое внимание обращается на адресанта как отправителя послания, его глобальную интенцию, коммуникативную задачу и прагматический характер сообщения, его перлокутивный эффект, а также на адресата как получателя сообщения и участника коммуникации. Исследование функциональных и дискурсивно-стилистических особенностей политического дискурса помогает осуществить перевод с сохранением необходимого коммуникативного эффекта, что является, безусловно, первостепенной задачей переводчика [1: 224].

Список литературы

1. Аносова Н.Э. Проблемы перевода политического дискурса СМИ // «Научно-технические ведомости СПбГПУ». Гуманитар. и обществ. науки. - 2013. - № 2. – С. 219-225.
2. Баженова Е.А. Дискурс – текст – стиль в ракурсе функциональной стилистики / Е.А. Баженова // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. – М.: «Флинта»: Наука, 2014. – С.18-26.
3. Клушина Н.И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. - Вып. 9. - Воронеж, 2011. - С. 26-33.
4. Менджеричкая Е.О. Когнитивный синтаксис современного английского языка: предмет и принципы анализа. // Вестн. Самарского гос. ун-та. Гуманитарная серия «Языкознание». Саратов, 2009. № 7 (73). – С. 219-225.
5. Солопова О.А. Театральная метафора в политическом дискурсе Великобритании Текст. / О.А. Солопова // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т. Вып. 18.— Екатеринбург, 2006. - С. 107-114.
6. Шустрова Е.В. Когнитивно-дискурсивное исследование концептуальной метафоры в afroамериканской художественной картине мира: Автореф.дис. ...докт.филол.наук. – Воронеж, 2008.
7. Czarniawska-Joerges B., Jacobsson B. Political organizations and commedia dell'arte // Organization Studies. Berlin, 1995, P. 375-393.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РОМАНА А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Цзинь Цзинь

Факультет русского как иностранного, магистратура, 2 курс
Научный руководитель: Т.Г. Аркадьева, заведующий кафедрой русского языка как иностранного РГПУ им. А.И. Герцена

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла» сказал Н.В.Гоголь [1: 130].

Роман в стихах «Евгений Онегин» — это энциклопедия современной Пушкину русской жизни. Это новый прелестный цветок на поле русской словесности. Именно этот роман по